

Впечатлениями о первых фестивальных спектаклях поделились его гости, участники и зрители.

Гжегош КАЛИНСКИ,
Польша:

«Сейчас сложно сразу что-то сказать об увиденном: я только два часа назад приехал в Челябинск. Меня здесь еще нет, я до сих пор еду в поезде».

Анна КОЧЕМБА,
Польша:

«Интересный спектакль (о «Вертолете» театра «Группа характеров», Омск), но очень другой. Кстати, мы сюда приехали из Перми и там столько говорили по-русски, что уже начали думать на этом языке. Даже английский подзабыли: вчера встретили немцев, хотели с ними поговорить и почти ничего не вспомнили по-английски».

Евгений ВИШНЕВСКИЙ,
Новосибирск:

«Ромео и Джульетта» и спектакль театра из Скопина понравилась, а Третий, из Омска — нет. Было это уже все. Мы с этого тридцать лет назад начинали и дальше уже, как со стартовой площадки, начинали экспериментировать».

Михаил ЧУМАЧЕНКО,
Москва:

«Фестиваль отвечает своему названию. Опыты есть. Если бы он назывался «Театральный успех», мог бы стать крахом для многих спектаклей. Но он называется «Театральные опыты», и они закончились полной победой с точки зрения опыта. Что жду от фестиваля? Надежды — во что-то неожиданное. А неожиданность здесь пока отсутствует: многое просчитано. Если что-то интересно — понятно, почему; если неинтересно — тоже понятно почему. А вообще спектакли здесь не поддаются сравнению: разные очень. И это хорошо».

Мнениями интересовалась
Анна ФЕДОРОВА

П

«БЕГИ, ВЕНИЧКА, БЕГИ...»

Спектакль театра
«Манекен»
по повести
Венедикта Ерофеева
«Москва—Петушки».

Режиссер
Юрий Бобков.

Сценография
Сергея Александрова.

В ролях:
Александр Балицкий,
Наталья Гончарова,
Анна Трухова,
Игорь Красных,
Александр Березин,
Екатерина Притчина,
Ольга Романова,
Герман Акимов,
Сергей Овинов,
Дмитрий Чуфистов.

Фото В.Ваганова, С.Фегомова

«Кому повем печаль мою?..»

«Талифа куми Веничка Встань и иди» — нежно упрасивают ангелы светлые и грешные как душа самого Венички распростертого на железном столе больничного бокса. И в меркнущем сознании умирающего Венички спыхивают краткие внешне бес-связные эпизоды его горестной беспутной жизни.

Крутятся как на карусели куда-то спешащие озабоченные угрюмые персонажи спектакля а карусель эта похожа на беличье колесо в котором без остановки без смысла мечутся загнанные не-скончаемыми заботами люди теряя и силы и свою суть умирая и не замечая этого.

Металлический бездушный голос объявляющий остановки электрички воспринимается гласом судьбы неким роком довлеющим над людьми и послушные ему испуганно и покорно вбегают они в спешащий (куда?) поезд и с таким же паническим страхом по приказу того же голоса тесной гурьбой сваливаются со ступе-ней в Карачарово в Черное в никуда.

В краткий миг пребывания на жестких диванах этого мчащегося по жизни поезда герои спектакля несчастные неимоверно одинокие люди пытаются поведать друг другу и нам зрителям о чем-то для них важном и значительном. Здесь не только жажда общения но и неосознанная тоска по иному миру по иной действительности неже-ли та в которой они существуют. Но «Кому по-вем печаль мою? Кого призову к рыданиям?»

Дедушку Митрича? С его младенчески не-развитым умом и таким же косноязычным лепетом но с иллюзией житейского опыта и желанием как-то поделиться чему-то научить окружающих или хотя бы своего внука а внучек (Гетман Акимов) уже с рождения стареющий подросток почти кретин с нечленораздельной речью — трогательный и страшноватый одновременно. И дедушка (Сергей Овинов) и внучек и эрудированный Черноу-сый (Александр Березин) под воздействием непо-мерных доз алкоголя становятся жестокой неуп-равляемой стихией.

И среди них среди своих пустоглазых по-путчиков постоянно присутствует Веничка (Алек-сандр Балицкий) избравший алкоголь средством освобождения от навязанных кем-то извне жизнен-ных правил подавляющих самобытность и непов-торимость личности принижающих человека до положения стадного существа и этим укорачива-ющих его и без того короткий век. Алкоголь и уводит Веничку от того хорошего что ему выпадало

в жизни. Он лишил себя счастья отцовства потерял свои любимые Петушки «где жасмин не отце-вывает и птичье пение не молкнет» и даже «рыжая дьяволица» покинула его. Зато торжествует бес-искуситель (Игорь Красных) — развратник пре-датель толкая Веничку в яму в небытие.

И в последние минуты своей жизни увидит Венич-ка сияющий «во всем великолепии» Кремль да еще светлым мигом детства мелькнет нарядная новогодняя елка — яркая радость единственного красивого и до-ступного праздника для детей и взрослых суровой страны где не «все мечты сбываются товарищ».

И такая жалость пронзит сердце. Ко всем этим одиноким несчастным погибающим людям. Но не унижающая а сочувствующая жалость «Бог уми-рая на кресте заповедовал нам жалость Жалость и любовь к миру — едины».

Любовь ко всякой персти ко всякому черву и ко плоду всякого чрева — жалость — это написал Ве-недикт Ерофеев в своей поэме «Москва — Петушки».

Эмоциональное потрясение испытываешь на спектакле Юрия Бобкова чьи постановки всегда подчеркнута театральность а режиссерское решение всегда необычно оригинально. В своей новой ра-боте он не спорит с автором а выявляет потаен-ный смысл его произведения.

Убогое существование алкоголиков распад лич-ности жалкий и отталкивающий вид в обыденной жизни вызывающие чувство неприятия отвращения в спектакле Юрия Бобкова не воспринимаются «чернухой» потому что акцент режиссером и актерами сделан на внутренней сути этих несчастных на их душах изна-чально открытых для доброго для нормальной жизни.

Спектакль как указано в программке поставлен «в стиле античной трагедии» и потому есть в нем и трагический герой и хор и корифеи хора и вы-сокие котурны и тоги в которые величаво драпи-руются Веничкины обличители. Но сбросив с себя тогу лицемерия и сойдя с котурн зубодробитель-ных догм эти моралисты просто-напросто становят-ся постылыми попутчиками Венички.

Аллегории метафоры — прямолинейные и утонченные парадоксальные и логичные «высокий штиль» речей Венички — все это и понятно и смешно и грустно и даже примиряет с трудной сегодняшней жизнью в которой все-таки тоже бывают свои радости. И даже есть место праздни-кам один из которых — театр «Манекен».

Сергей ЗАГРЕБИН

Похмельный синдром

Любой театр — польстившийся на постановку хорошей прозы — ставит себя в сложную ситуацию. Театр не обладает способностями точной передачи авторского стиля на расстоянии. Вкусности чаще всего теряются, обаяние первоисточника пропадает. Но зато в театре возможно исполнение мечты любого романиста — описанной Набоковым в романе «Отчаянье» — превратить читателя в зрителя.

И здесь порой случаются редкие удачи. Режиссеру (Ю. Бобков) удалось — так расписать партитуру текста поэмы на несколько голосов. Благо, мы имеем дело с внутренним монологом Венички. Каждый, пусть даже и не сурово употребляющий, знает про многоголосье, возникающее после первой и тем более второй и третьей. Бобков нащелкал из этих внутренних подголосков сразу несколько персонажей. Это три ангела, которые, как в лентах Вима Вендерса, оказываются слишком похожими на людей. С другой стороны, это всяческие дьявольски-инфернальные силы, которые тоже ведь борются за свое место под солнцем души. Если реальные персонажи поэмы все время норовят сбиться в некое единое тело, то вот виртуальные персонажи индивидуальны, выпуклы и симпатичны. Отдельное спасибо — самому Веничке (А. Балицкий), реальному центру спектакля. Ему хватает ума и вку-

са не кривляться и не играть пьяного. У него иные, более сильные задачи — показать трагедию русского (читай, страдающего) существа.

С этим проблемой «Ты нам трагедию не ломай, а подавай водевиль» (В. Розанов, 1918). Заявленная на афише трагедия в греческом духе находит подтверждение лишь в наличии у актеров котурнов. Достаточно, впрочем, комичных. И все. Ведь не следует же определять как «малый апокалипсис» проникновенные и пока-вэзовски лирические монологи. Смесь соплей со стебом выдает режиссерскую растерянность. Видимо, Ю. Бобков так для себя жанр спектакля и не определил.

Но это и не важно. Главное, что удалось создать спектакль, вполне сопоставимый с первоисточником. Прозительный, но и слегка пережатый, затянутый. Похмельная интоксикация, полная дурно-го символизма и цитат, самобичевания, плавно переходящего в самолюбование. Смешной и ностальгичный. Перегружен-

ный. С пафосом и громкой музыкой вместо катарсиса и финала.

Но зато — «фирменная» и знаменитая студийность (почти что семейственность), взлелеенная, чудом сохраненная. Сеанс коллективной ностальгии по портвейну за рупь двадцать. Игра на разрыв аорты. До полной гибели всерьез, чего уже практически нигде не осталось. Скоро театр должен переехать в иное, более просторное здание, отведав Веничку, смеясь, расстанутся и со своим студийным прошлым. Поезд дальше не идет. Просьба освободить вагоны.

Дмитрий **БАВИЛЬСКИЙ**

Веничкин бенефис

В «Манекене» ставят Ерофеева — «Беги, Веничка, беги» — спектакль по его поэме «Москва — Петушки».

Разве не дерзость — «представлять» Ерофеева? Показывать массовому зрителю лирического героя поэмы —

точнее — самого Веничку, а еще точнее — его душу, вместилище вместе с электричкой Москва — Петушки целый мир и целую эпоху.

Сам-то он не то что душу, а даже тело обнажать стеснялся, и никогда при людях не расстегивал воротничка на рубашке. Помните, как Веничка, выпив в тамбуре водки, мучился потом — а вдруг народ в вагоне заметил, как он там хватался за горло? Придумал алиби: «Может, я что репетировал. Может, я играл в бессмертную драму «Отелло, мавр венецианский»».

Разве можно такого застенчивого Веничку — играть на сцене?

Но с другой стороны, можно ли не ставить «Москву» именно в год 60-летия В.В. Ерофеева? Спектакль — это ведь спиритический сеанс с духом автора. Его душе скучно там, на небе, в компании ангелов, и выпить-то не с кем. Веня, наверно, единственный горький пьяница, туда попавший. Надо скрасить его одиночество.

Он всегда страдал от одиночества, мучился им не меньше, нежели деликатностью своей. «Когда мне было 20 лет, тогда я был безнадежно одинок и — не желая плакать, заплакал». А когда стукнуло 30, день был уныл, как день двадцатилетия. И такое отчаяние, такая мука мной овладели, что хотел я заплакать — и уже не мог».

И хорошо, что «Манекен» поставил «Москву». И надо ходить на Веничку — нет, к Веничке, на именины. Шестидесять лет ничего не значат для бессмертного барда, но для нас многое значит. Кто знает, не последний ли это юбилей Ерофеева?

Неужели вы думаете, что еще повторится время, когда в электричке народ становился единым духом и нес пьяную, восхитительно-интеллектуальную ахию, а контролеры брали плату не в рублях и копейках, а в граммо-километрах. Все мы вышли из электрички Москва — Петушки, как недавно прямо заявила «Новая газета», но никогда не вернемся в тот благословенный мир, в тот брежневский (что бы там ни говорили) ренессанс русской души.

Конечно, и через десять лет найдется кому помянуть Веничку в день его уже 70-летия. Однако грядущее поколение утрачивает связь с эпохой ерофеевской электрички, а значит, и с душой самого автора, чью поэму так же трудно перевести на язык будущего, как на любой иностранный язык или язык сценического искусства.

Тем более драгоценны сегодня зрительские слезы, и смех, и смех сквозь слезы.

Помянем Веничку. Помянем прошлое. Оно было светлее будущего.

Николай **ЕГОРЬЕВ**